

**О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ
И ИННОВАЦИЙ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ
ТЕКСТЕ: ВАРИАНТЫ КЪНИЖЬНИКЪ И КЪНИГЪЧИИ
В СПИСКАХ ЕВАНГЕЛИЯ XI-XVI ВВ.**

С. Ю. Темчин

Как известно, церковнославянское Евангелие отличается крайне высокой степенью лексической вариативности, значительно превосходящей вариативность греческого и тем более латинского текста этого памятника. Лексические различия между славянскими евангельскими списками настолько многочисленны и разнообразны¹, что был сделан даже вывод о том, что „славянское Евангелие представляет собою текст с контролируемой текстологической традицией, закрытый для непосредственного изучения генетических отношений между отдельными его списками и для реконструкции его текстологической истории“ [Алексеев, 1985, 93].

Был предложен целый ряд объяснений столь широкого лексического варьирования в славянских евангельских списках², каждое из которых „может быть справедливо и объяснять известную часть случаев, однако неясно, какую именно часть“ [Алексеев, 1984, 57]. Тем не менее известно, что определенное количество лексических синонимов могло содержаться уже в первом славянском переводе Евангелия, другая же часть возникла позже в процессе бытования памятника – в результате неоднократного редактирования с привлечением различных списков греческого текста или же без него.

Признавая возможность различных способов возникновения лексического варьирования евангельского текста, исследователи сильно расходятся в оценке их соотношения. Если одни считают, что „почти все разночтения славянских списков находят себе соответствия в гре-

¹ Наиболее полные их перечни см. в работах: [Jagić, 1913, 281-421; Львов, 1966; Верещагин, 19726, 39-43; Славова, 1989].

² См. их обзоры: [Жуковская, 1959, 87-88; Львов, 1974; Алексеев, 1984].

ческом рукописном материале, следовательно они возникают в результате сверок“ [Алексеев, 1984, 58; ср. также: Угана, 1960, 568; Жуковская, 1973, 73] и принадлежат разным языковым системам [Жуковская, 1964, 8], то другие придерживаются того мнения, что лексическое варьирование является собственно славянским явлением, широко представленным уже в первом славянском переводе Евангелия, содержащем альтернативные варианты перевода [Gřives, 1955, 27; Gřives, 1956, 195; Верещагин, 1972а, 61; Верещагин, 1972б, 35].

Лексические варианты, содержащиеся в кирилло-мефодиевском переводе и имевшие те же самые греческие эквиваленты, могли быть представлены лишь в разных местах евангельского текста. В каждом же конкретном стихе протографа мог быть употреблен лишь один из конкурирующих вариантов. Отсюда следует вывод о том, что разночтения, представленные в разных списках текста в том же самом евангельском стихе, принципиально не могут рассматриваться как отражение лексического варьирования первоначального перевода. В связи с этим в каждом отдельном случае возникает вопрос, какая именно из ряда конкурирующих лексем является исконной в данном месте Евангелия, а какие представляют собой позднейшие инновации, заменившие здесь первоначальный вариант в результате лексической правки. Причины и механизм проникновения инновационной лексики в данный евангельский стих могут быть самые различные: она могла быть взята из параллельных мест того же кирилло-мефодиевского перевода, в которых она употреблялась исконно; могла появиться в процессе нового перевода отдельных евангельских чтений; могла стать следствием исправления первоначального текста по иным греческим источникам либо результатом лексической правки в иной диалектной среде. В любом случае задачей исследователя является определение времени и места введения инновационной лексики в данный стих евангельского текста.

Из всего сказанного следует вывод: одна и та же лексема может быть исконной в одном месте евангельского текста и инновационной в другом, но в каждом конкретном стихе лишь одна из ряда конкурирующих лексем может быть признана первоначальной.

Существует предположение о том, что Кирилл и Мефодий диктовали свой текст группе переписчиков, постоянно предоставляя им альтернативные варианты перевода и оставляя за каждым из писцов право выбирать для записи наиболее подходящие (с их точки зрения) варианты [Шьоберг, 1980, 42]. Согласно этой гипотезе, возникшие таким образом списки кардинально отличались друг от друга уже в момент их создания и потому принципиально не сводимы к единому протографу. Это априорное предположение снимает вопрос о генеалогических взаимоотношениях дошедших до нас списков и лишает смысла какие бы то ни было текстологические исследования, что является основным аргументом против принятия данной гипотезы.

В многочисленных работах, посвященных анализу лексической вариативности церковнославянского Евангелия, анализируются различные пары и ряды конкурирующих лексем и устанавливаются исконные варианты первоначального перевода. Однако критерии разграничения лексических архаизмов (исконных вариантов) и инноваций как правило не становятся предметом специального обсуждения. В данной статье делается попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Материалом для написания статьи послужили конкурирующие лексемы *книжьникъ* и *книгъчи*, в диахронической интерпретации которых мнения исследователей расходятся. Традиционно считалось, что вариант *книжьникъ* употреблялся в кирилло-мефодиевском переводе, но впоследствии в некоторых местах текста был вытеснен инновацией *книгъчи* [Ягич, 1883, 467; Vondrák, 1925, 10–12; Horálek, 1954, 93–94]. Это положение хорошо согласовалось с данными о том, что книжнославянские лексемы с тюркским формантом *-чи* отсутствовали в первых славянских переводах и были характерны для восточноболгарской письменной традиции эпохи царя Симеона [Погорелов, 1914, 13–14; ср. также: Соболевский, 1915]. Однако А. С. Львов высказал предположение о том, что вариант *книгъчи* бытовал в языке солунских славян и регулярно употреблялся в кирилло-мефодиевском переводе краткого апракоса, в то время как лексема *книжьникъ* попала в евангельский текст при его редактировании

в Моравии [Львов, 1966, 166–168; Львов, 1973, 218]. Учитывая это мнение, Р. М. Цейтлин считает, что в данном случае „вопрос о том, какой вариант употребили Кирилл и Мефодий, все еще остается нерешенным“ [Цейтлин, 1986, 170].

По словоуказателям к изданиям Марининского и Мстиславова евангелий мною был составлен список всех мест евангельского текста, к которых употребляются рассматриваемые конкурирующие лексемы. Этот список насчитывает 73 позиции в самом тексте и еще 4 в оглавлениях тетра. Все эти места текста были просмотрены по 48 спискам славянского Евангелия XI–XVI вв., которые представляют разные структурные типы текста: тетра (24 списка), полный апракос (12 списков), краткий апракос (11 списков) и отдельные евангельские чтения (1 список). Исследование проводилось по существующим изданиям списков, микрофильмам и самим рукописям³.

К исследованию были привлечены следующие списки текста:

а) тетра – XI в.: Зографское евангелие (Зогр), Мариинское евангелие (Марн); XII в.: вставка в Зографском евангелии (Зогр-2), Галицкое евангелие 1144 г. (Галц), Добромирово евангелие (Дбрм), рук. РГАДА, ф. 381, № 1 (Тип-1); XIII в.: Баницкое евангелие (Банц), Добрейшево евангелие (Дбрш), Драгино евангелие (Драг), рук. Софийской НБКМ № 843 (КМеф-843), Кюстендилское евангелие (Кюст), Пруссосское евангелие (Прус); XIV в.: Лондонское евангелие (Лонд), Мостарское евангелие (Мост), Никольское евангелие (Никл), рук. монастыря Св. Пантелеймона на Афоне, Слав. 2 (Пант-2); кон. XIV – нач. XV в.: Венецианский Новый Завет (Венц); XV в.: Геннадиевская Библия 1499 г. (ГБиб), Краковское евангелие (Крак), Лаврское евангелие (Лврс), рук. Библиотеки АН Литвы, ф. 19, № 33 (Литв-33); XV–XVI в.: Сучавское евангелие (Сучв), рук. Краковского Музея Чарторыских

---

³ Пользуясь случаем, приношу свою искреннюю благодарность Институту славянской филологии Краковского Ягеллонского университета за предоставленную мне возможность работать с микрофильмами хранящихся в Польше списков Евангелия. Я очень признателен А. А. Турилову, благодаря которому мне стали доступны микрофильмы четырех евангельских списков, хранящихся в библиотеке монастыря Св. Пантелеймона на Афоне.

№ 2451 (Чарт-2451); XVI в.: рук. Матенадарана, ф. Иноязычных рукописей № 76 (Мтнд-76);

б) полный апракос – XII в.: Вуканово евангелие (Вук), Мирославо евангелие (Мир), Мстиславо евангелие (Мст); XIV в.: Григоровичево евангелие № 9 (Грг-9), Мстижское евангелие (Мсж), рук. РГБ, ф. 310, № 1206 (Унд-1206), Шведский евангельский список В (Швд-2), Шведский евангельский список С (Швд-3); XV в.: Шведский евангельский список F (Швд-6), рук. Шленской библиотеки в Катовице № 181 III (Шлн); XVI в.: рук. Библиотеки АН Литвы, ф. 19, № 37 (Лит-37) и ф. 22, № 78 (Лит-78);

в) краткий апракос – XI в.: Ассеманиево евангелие (Ас), Архангельское евангелие (Ар), Боянский палимпсест (Бн-пал), Остромирово евангелие (Ос), кириллическая часть Реймского евангелия (Рм(с)), Саввина книга (СК); XIII в.: Врачанское евангелие (Вч), евангелие Кожно (Кх), Македонское евангелие попа Иоанна (Мк), рук. Софийской НБКМ № 849 (KM-849); кон. XIII – нач. XIV в.: рук. монастыря Св. Пантелеймона на Афоне, Слав. 4 (Пн-4);

г) евангельские чтения – XIV в.: рук. монастыря Св. Пантелеймона на Афоне, Слав. 8 (П-8).

При обозначении апракосных чтений приняты следующие условные сокращения: пд – Пятидесятница, нл – „новое лето“, вел – Великая (Страстная) неделя, утр – чтение на утрени, лит – чтение на литургии, ев стр – страстное евангелие, буд – будние дни, а также общепринятые сокращения названий дней недели и месяцев.

При разграничении лексических архаизмов и инноваций в многочисленных списках церковнославянского текста может быть использовано несколько критериев.

1. Степень распространения в тексте конкурирующих вариантов. Лексема *книжьникъ* появляется в исследованных списках абсолютно во всех возможных местах евангельского текста (73+4), в то время как вариант *книгъчи* встретился лишь в 28 позициях евангельского текста и еще в одном месте в оглавлении тетра. Значительно меньшая степень распространенности в тексте Евангелия последней лексемы, видимо, может являться показателем ее инновационности – этот вариант „не успел“ проникнуть во все места евангельского текста.

Оба славянских варианта как правило употребляются в соответствии с лексемой $\gamma\rho\alpha\delta\iota\alpha\tau\epsilon\upsilon\varsigma$ греческого текста. Однако в отдельных случаях можно встретить и иные славянские соответствия этой греческой лексеме:

кѣнигы – Л 20.41 Зогр, Л 11.45 Драг, М 12.38 Крак

кѣнигочѣте – Мт 2.4 Венц

боукъварие – Мт 7.29 Банц⁴

кѣнази – Мт 26.57 Ос (чт вел лит)

ньцини – М 9.11 Литв-33

чловѣци – Л 20.46 Литв-37 (сб 17 нл)

сътъникъ – Мт 8.19 Прус

Еще несколько разночтений славянского текста обусловлены вариантом $\tau\upsilon\tau\epsilon\varsigma$, выступающим в Л 20.41 в некоторых греческих списках:

ѣтери – Л 20.41 Типг-1

ѣдини – Л 20.41 Марн

ньцини – Л 20.41 Вук (пн 12 нл)

2. Количество мест текста, в которых разночтения встречаются вне конкуренции. Как уже отмечалось, в 28+1 месте текста одни славянские списки дают вариант **кѣнижьникъ**, а другие – **кѣнигъччи**. Однако во всех иных позициях, которые численно абсолютно преобладают, все просмотренные мною списки совпадают друг с другом, употребляя лексему **кѣнижьникъ**, которая в этих местах текста представлена вне конкуренции и не имеет разночтений (за исключением указанных выше). В то же время слово **кѣнигъччи** ни в одной из возможных позиций употребления не господствует безраздельно в исследованных списках, всегда выступая лишь в качестве варианта. Таким образом, само наличие и тем более количественное преобладание таких позиций текста, в которых тот или иной из возможных вариантов встречается вне конкуренции, может рассматриваться как показатель его исконности в тексте.

3. Выявление списков, стопроцентно употребляющих тот или иной вариант. В обследованном материале встретилось немало списков, в

---

⁴ Это редкое слово, представленное в Банц и в сербском Чайническом четвероевангелии, считается *haxa legomena* черноризца Храбра [Конески, 1971, 177–178; Марти, 1994, 31–32].

которых представлена исключительно лексема **книжница** – таковы тетры Зоґр, Дбрш, КМеф-843, Кюст, Лонд, ГБиб, Лврс, Сучв, Мтнд-76; полные апракосы Швд-6, Шлн, Лит-37, Лит-78; краткие апракосы Ар, Бн-пал, Рм(с), Пн-4, СК; сборник отдельных евангельских чтений П-8. Во всех этих списках лексема **книжчии** отсутствует, что лишь в отдельных случаях может объясняться неполной сохранностью или фрагментарностью списка. В то же время пока не обнаружено ни одного списка, полного или фрагментарного, в котором употреблялся бы исключительно вариант **книжчии**, что, по всей видимости, также говорит о его инновационности в евангельском тексте.

4. Выявление списков, наиболее последовательно употребляющих менее распространенный вариант. В приводимой ниже таблице № 1 представлен удельный вес употреблений лексемы **книжчии** в исследованных списках.

Таблица № 1

№	тетры	полные апракосы	краткие апракосы	еванг. чтения
0	Зоґр, Дбрш, Кюст, Кеф-843, Лонд, ГБиб, Лврс, Сучв, Мтнд-76	Швд-6, Шлн, Лит-37, Лит-78	Ар, Бн-пал, Рм(с), Пн-4, Ск	П-8
2	Крак, Чарг-2451	Мир		
3	Венц	Вук		
5	Литв-33		Ас, Вч	
6	Галц, Типг-1		Мк	
7	Марн			
8			Кх	
11		Унд-1206		
12	Панг-2, Никл			
13	Банц	Швд-2	Ос	
14			КМ-849	
15		Грг-9, Мсж		
19	Дбрм			
21		Мст		
25	Мост			
26	Драг			
33		Швд-3		
50	Прус			
58	Зоґр-2			

Как видим, чаще всего лексема **кѣнигѣчи** употребляется не в самых архаичных рукописях – в болгарских списках XII–XIV вв. Зогр-2, Драг, Прус, КМ-849, Мст и в древнерусских списках XI в. Мст и Ос. Эти списки, кроме Зогр-2, не отражают непосредственно кирилло-мефодиевских лексических традиций, а так или иначе связаны с восточноболгарской редакцией богослужебных книг. Если слово **кѣнигѣчи** чаще всего употребляется в списках, в которых представлена новая редакция текста, то и само оно должно быть признано инновационным.

5. Примеры гиперкорректного употребления конкурирующих вариантов. Обе исследуемые лексемы употребляются в соответствии с греч. *γραμματεὺς*. Однако в единичных случаях они соответствуют греч. *νομικός*. В абсолютном большинстве славянских списков эта греческая лексема переводится как **законникъ**. Лишь в виде исключения в некоторых списках можно обнаружить ее перевод посредством **кѣнижникъ** и **кѣнигѣчи**.

	кѣнижникъ	кѣнигѣчи
Л 7.30	Драг, Кюст	
Л 11.45	Вук (ср 7 нл), Швд-2 (ср 7 нл)	Мст (ср 7 нл, дек 17), Пант-2
Л 11.46	Швд-2 (чт 7 нл)	Мст (ср 7 нл, дек 17), Драг, Мсж (ср 7 нл)
Л 11.52		Мст (чт 7 нл, дек 17), Драг, Пант-2

Эти случаи употребления лексем **кѣнижникъ** и **кѣнигѣчи** должны быть интерпретированы как гиперкорректные, появившиеся в некоторых списках в результате экспансии (правда, незначительной) данных лексем на те места текста, в которых был представлен исконный вариант **законникъ**. Как видим, в исследованных списках лексема **кѣнижникъ** обнаруживает лишь 4 примера гиперкорректного употребления, в то время как вариант **кѣнигѣчи** – 11 таких примеров (без учета повторяющихся чтений Мст – 8 примеров). Количественное соотношение случаев гиперкоррекции говорит о том, что вариант **кѣнигѣчи** в большей степени, чем **кѣнижникъ**, обнаруживает склонность к экспансии на новые места текста, что также свидетельствует о его инновационности.

6. Дистрибуция менее распространенной лексики в списках. Рассмотренные списки тетра обнаруживают вариант кынгичин в местах экста, приведенных ниже в таблице № 2 (отмечены знаком +).

Таблица № 2

	Прус	Крак	Чарт-451	Венц	Литв-33	Мар Галд Тип-1	Пант-2	Мост	Зогр-2	Никл	Банц	Дбры	Драг
Мт										+			
Мт	+												
17.10													
23.13		+			+	+	+	+	+	+	+	+	
23.14				+	+	+		+	+	+	+	+	
23.15			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
23.23						+	+	+	+	+	+	+	
23.25							+				+	+	
23.27									+	+	+	+	
23.29									+	+	+	+	
23.34								+	+	+	+	+	
26.57													+
М1													+
22													+
2.6													+
2.16													+
7.1													+
7.5													+
12.13												+	
12.32													+
Л11.-45							+						
11.46													+
11.47													+
11.52							+						+
И8.3													+

Как видим, в основном лексема *книжчи* встречается в списках тетра в отрезке текста Мт 23.13–34. Вне этих стихов она употребляется редко. Лишь Драг, южнославянский список XIII в., обнаруживает значительную экспансию рассматриваемой лексемы⁵.

Логично предположить, что чем в большем количестве списков представлено какое-либо слово, тем раньше оно проникло в текст. В предельном случае, когда в конкретном месте Евангелия абсолютно все списки обнаруживают одну и ту же лексему без каких бы то ни было разночтений, можно утверждать, что именно эта лексема была употреблена в данном месте текста Кириллом и Мефодием. И наоборот, уникальные случаи употребления лексемы, представленные в единичных рукописях и не разделяемые иными списками, должны рассматриваться как позднейшие инновации. Поэтому концентрированное употребление лексемы в одних и тех же местах текста во многих списках может интерпретироваться как свидетельство ее раннего проникновения в текст. Попав однажды в какое-либо место текста, лексема передается по текстологической традиции более поздним спискам, в которых она будет представлена в том же самом месте. Наоборот, большая разбросанность словоформ лексемами по спискам и большое количество уникальных употреблений, представленных в единичных рукописях, говорят о том, что эта лексема проникала в текст относительно поздно, уже в отдельные списки.

В связи со сказанным следует обратить внимание на те позиции текста, в которых лексема *книжчи* представлена в единичных списках тетра: в оглавлении Мт – только в Никл, в Мт 17.10 – только в Прус, в М 12.13 – только в Дбрм, в Л 11.45 – только в Пант-2, еще в десяти стихах – только в Драг. Все это южнославянские списки. Поэтому можно полагать, что экспансия данной лексемы имела место именно в южнославянском ареале.

В таблице № 3 показано, как словоформы лексемы *книжчи* распределяются в полноапракосных списках.

---

⁵ Эта рукопись опровергает тезис А. С. Львова о том, что в славянских списках Евангелия нет следов экспансии лексемы *книжчи* [Львов, 1966, 164].

Таблица № 3

Списки	Мир	Швд-3	Вук	Швд-2	Грг-9	Унд 1206	Мсж	Мст
Мг17.10						+	+	+
23.13					+			
23.14			+		+		+	+
23.15					+			+
23.23					+	+		+
23.25							+	
23.27						+	+	+
23.29						+	+	+
23.34	+		+	+		+		+
М 1.22		+					+	+
7.1								+
7.5							+	+
9.14				+				
Л 11.44							+	+
11.45								+
11.46							+	+
11.52								+
20.39				+				+

В этом типе текста данная лексема также чаще всего представлена в Мг 23.13–34. Уникальные случаи ее употребления фиксируются почти исключительно в Мст, которое, как уже известно, значительно превосходит остальные рассмотренные списки полного апракоса по частоте использования данной лексемы.

Интересно, что в Мст лексема *книжъчи*, в отличие от более частотного варианта *книжъникъ*, представлена не во всем списке, а лишь в некоторых циклах апракосных чтений, что показано на таблице № 4.

Таблица № 4

Циклы чтений Мст	книжаникъ	книжѣчи
Пасха		
Пятидесятница – пост:		
буд	37	16
сб	8	
вс	5	
Великая неделя:		
утр	10	
лит	4	
ев стр	3	–
Месяцеслов	7	4
Воскресные евангелия	–	
Всего:	74	20

Как видим, в первой (подвижной) части Мст лексема *книжѣчи* встречается исключительно в чтениях на будние дни циклов Пятидесятницы, „нового лета“ и поста, отсутствуя в субботних и воскресных чтениях тех же циклов. Такая же дистрибуция в тексте Мст зафиксирована для „преславских“ лексем *любодѣлати, жемли са, житие, ти* [Темчин, 1996].

Столь неравномерное распределение данных лексем в Мст можно интерпретировать как свидетельство компилятивного характера того полноапракосного списка, который лег в основу текстологической традиции, отраженной в Мст. Как полагают, полный апракос возник в результате добавления к краткому апракосу чтений на будние дни циклов Пятидесятницы, „нового лета“ и поста, заимствованных из тетра. Поэтому можно считать, что лексема *книжѣчи* не употреблялась в том краткоапракосном списке, который лег в основу текстологической традиции Мст, но была представлена в тетра, использованном в качестве источника дополнительных чтений на будние дни циклов Пятидесятницы, „нового лета“ и поста. Если бы лексема *книжѣчи* начала проникать в полноапракосный текст уже после его компиляции, то следовало бы ожидать ее более равномерного появления в тексте Мст, особенно в чтении *вт вел утр*, в котором данный

вариант употребляется в иных полноапракосных списках, что показано в таблице № 5.

Таблица № 5

Циклы чтений	Меж	Унд 1206	Швд-2	Вук	Мир	Швд-3
Пасха						
Пятидесятница – пост:						
буд	6	5	2	1		1
сб						
вс						
Великая неделя:						
утр	4	3	1	1	1	
лит						
ев стр						
Месяцеслов	1					
Воскресные евангелия	-	-	-	-	-	-
Всего:	11	8	3	2	1	1

В списках краткого апракоса лексема *книжччи* встречается лишь в тех местах евангельского текста, которые указаны в таблице № 6.

Таблица № 6

Стихи	Ас	х	Мк	Вч	М-849	Ос
Мт 2.4 дек 25			+			
7.29 сб 3 пл				+		
8.19 сб 4 пл						+
23.29 сент 5						+
23.34 сент 5						+
26.57 ев стр 3	+	+			+	

Как видно из приведенной выше таблицы, в краткоапракосных списках наблюдается большой разброс словоформ этой лексемы – данные рассмотренных списков практически не совпадают. Такая картина может интерпретироваться как свидетельство вторичности варианта *книжччи* в кратком апракосе и его относительно позднего проникновения в списки данного структурного типа.

7. Выявление иных памятников письменности с максимальной нормой употребления менее распространенного варианта. За пределами евангельских списков явное преобладание лексемы *книжччи* наблюдается в древнерусском Изборнике 1073 г., в котором на 10 словоформ этой лексемы приходится лишь 1 случай употребления варианта *книжъникъ*. Данная рукопись является древнейшим списком Симеонова сборника, созданного в X в. в восточной Болгарии. Как и все произведения преславского круга, данный памятник значительно отличается от кирилло-мефодиевских переводов в лексическом отношении. Это также свидетельствует об инновационности лексемы *книжччи* и подтверждает тезис В. Погорелова о принадлежности слов с формантом *-ччи* преславским по происхождению текстам.

Таким образом, различные способы разграничения лексических архаизмов и инноваций церковнославянского текста дают один и тот же результат. Исконной для славянского Евангелия следует признать лексему *книжъникъ*, которая в некоторых местах текста довольно рано заменялась вторичным вариантом *книжччи*. Эта замена, проводившаяся в рамках преславской школы, наиболее полно отражается в южнославянских списках тетра, среди которых особо выделяется Драг XIII в. Один из таких списков тетра, возможно, был использован в качестве источника дополнительных чтений при составлении полного апракоса, легшего в основу текстологической традиции Мст. Этим может объясняться наличие лексемы *книжччи* исключительно в полноапракосных чтениях данного списка. Наиболее поздно и наименее последовательно этот вторичный вариант вводился в краткоапракосные списки Евангелия.

Для разграничения лексических архаизмов и инноваций в палеославиистике использовались и иные методы, основанные на предпологаемых лексических различиях между кириллическими и глаголическими рукописями либо между апракосными и тетровыми списками Евангелия. Опыт работы с многочисленными списками текста показал, что эти приемы могут выглядеть эффективными лишь в приложении к тем немногим рукописям, которые входят в узкий канон классических старославянских памятников. Однако если стремиться к максимальному охвату сохранившейся рукописной традиции, то

является главной гарантией надежности выводов, то данными критериями пользоваться невозможно. При широком охвате списков оказывается, что не существует принципиальных лексических различий между апракосами и тетрами, а тем более между глаголическими и криллическими рукописями. Различия здесь могут касаться лишь нормы употребления тех или иных лексем. Наименее надежными оказываются указания на отсутствие тех или иных лексических вариантов в каком-либо структурном типе текста: тетра, кратком или полном апракосе. При расширении круга исследуемых списков могут обнаружиться такие рукописи, которые способны принципиально изменить наши представления о встречаемости той или иной лексики в том или ином структурном типе текста.

**DĒL LEKSINIŲ ARCHAIZMŲ IR INOVACIJŲ SENAJA SLAVŲ KALBA
RAŠYTAME TEKSTE NUSTATYMO: VARIANTAI *kъniznikъ* IR *kъnigъcii* 11–16 A.
EVANGELIJOS NUORAŠUOSE**

S. J. Temčinas

Reziumė

Straipsnyje aprašomi septyni formalūs kriterijai, leidžiantys remiantis daugelio to paties teksto nuorašų duomenimis nustatyti leksinius archaizmus ir inovacijas senąja slavų kalba rašytame tekste. Šių kriterijų taikymo galimybės demonstruojamos nagrinėjant sinonimų *kъniznikъ* ir *kъnigъcii* „γραμματαύς“ panaudojimą skaitlinguose XI–XVI a. Evangelijos nuorašuose. Siūlomi kriterijai yra šie: 1) konkuruojančių leksinių variantų paplitimo tekste laipsnis; 2) teksto pozicijų, kuriose alternatyvūs variantai nerodo konkurencijos, skaičius; 3) tik vieną variantą naudojančių nuorašų skaičius; 4) rankraščių, kuriuose mažiau paplitęs variantas pasitaiko dažniausiai, datavimas ir lokalizavimas; 5) abiejų leksemų hiperkorekcinio panaudojimo atvejų santykis; 6) retesnės leksemos distribucija rankraščių tekste; 7) kitų literatūros paminklų, reguliariai naudojančių mažiau paplitusį variantą, nustatymas.

**ON THE DIFFERENTIATION OF LEXICAL ARCHAISMS AND INNOVATIONS
IN OLD CHURCH SLAVONIC TEXT: VARIANTS *kъniznikъ* AND *kъnigъcii* IN
GOSPEL MANUSCRIPTS FROM THE 11TH-16TH CENTURIES**

S. J. Temchin

Summary

This paper discusses seven formal criteria to distinguish lexical archaisms and innovations in a large body of manuscript copies of the same Old Church Slavonic text. The potentialities

of these criteria are demonstrated with the example of the synonymic pair *kaniznikъ* and *knigazii* „γραμματεὺς“, used in numerous manuscript copies of the Gospel text from the 11th-16th centuries. The criteria are the following: 1) dispersion of competitive lexical variants in the text; 2) number of text points, in which alternative variants are used exclusively; 3) number of the manuscript copies presenting one variant exclusively; 4) dating and localization of the manuscripts, in which the less common variant is more frequent; 5) ratio of text points, where alternative lexemes are used hypercorrectly; 6) distribution of the less common lexeme in manuscript copies; 7) determination of other literary monuments, in which the less common variant is more frequent.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. А. Лексическое варьирование и текстология // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21–26 мая 1984 г. Тезисы докладов. Москва: Наука, 1984. 57–58.

Алексеев А. А. Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение, 1985. № 1. 82–94.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. Москва: Издательство МГУ, 1972а. 197 с.

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII Международном съезде славистов. Москва: Издательство МГУ, 1972б. 50 с.

Vondrák V. O ksl. překladu evangelia v jeho dvou řízných částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopiseh // Даңичићев зборник / Српска Краљевска Академија. Посебна издања. Књ. 55: Филозофски и филолошки списи. Књ. 15. Београд–Љубљана, 1925. 9–27.

Vrana J. O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovenskih evanđelja. II: Četveroevanđelja // Slavia. R. 29, 1960, seš. 4. 552–571.

Horálek K. Evangeliaře a četveroevanĝelia: Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslovenského překladu evangelia. Praha, 1954. 313 S.

Grivec F. Na semь Petrě // Slovo, 1955. Sv. 4–5. 24–46.

Grivec F. O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangelijih // Slavia, R. 25. 1956. seš. 2. 194–197.

Жуковская Л. П. О переводах евангелия на славянский язык и о „древнерусской редакции“ славянского евангелия // Славянское языкознание: Сборник статей. Москва: Издательство АН СССР, 1959. 86–97.

Жуковская Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. Москва: Наука, 1964. 5–17.

Жуковская Л. П. Повторяющиеся чтения как лингвистический источник // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. Москва: Наука, 1973. 72–98.

Конески Б. За Храбровата апологија и за зборот божкаръ во неа // Studia palaeoslovenica. Prahа: Academia, 1971. 175–178.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. Москва: Наука, 1966. 320 с.

Львов А. С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. Москва: Наука, 1973. 211–228.

Львов А. С. Варьирование средств выражения в памятниках старославянской письменности // Вопросы языкознания, 1974. № 6. 78–90.

Марти Р. Проблеми на значението на славянската лексика от кирило-методиевско време // Старобългаристика, 1994. № 4. 23–39.

Погорелов В. Образование имен существительных с окончанием -чи в древнеболгарском языке // Варшавские университетские известия, 1914. № 9. 1–16.

Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София: Издательство на БАН, 1989. 15–129.

Соболевский А. И. // Русский филологический вестник, 1915. Т. 73. № 2. 402–403. Рец.: В. Погорелов. Образование имен существительных с окончанием -чи в древнеболгарском языке. Варшава, 1914.

Темчин С. Ю. Текстологическая значимость церковнославянской лексики: восточноболгарская лексика в древнерусском Мстиславовом евангелии // Славяноведение, 1996. № 1. 63–72.

Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София: Издательство БАН, 1986. 355 с.

Шьоберг А. Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // Старобългаристика, 1980. № 2. 37–42.

Ягич И. В. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Санкт-Петербург: Типография Императорской АН, 1883. 607 с.

Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1913. 540 S.